Слово редактора

Виктор Вахштайн

От мегаполиса к гетерополису

В среде политологов-компаративистов бытует интересное понятие — «занзибарская уловка». Представьте себе исследователя, полжизни проведшего в Занзибаре, где он досконально изучил историю правящей элиты и ее восприятие разными группами населения. Предположим, он провел несколько сотен глубинных интервью, годы потратил на включенное наблюдение и даже сумел организовать репрезентативный опрос занзибарского населения. Но когда он будет презентовать свои результаты на конференции в Лондоне, среди присутствующих, несомненно, окажется уроженец Занзибара, который встанет после доклада и еще пятнадцать минут будет объяснять, как *на самом деле* обстоят дела в Занзибаре, почему исследователь — идиот, чего именно он не понял, и в чем, собственно, не разобрался. По этой причине политологи-компаративисты (и не только они) стараются собрать как можно больше, пусть даже самой нерелевантной информации о своем объекте, дабы при случае заткнуть рот потенциальному занзибарцу множеством бессмысленных и не относящихся к исследованию деталей.

Обратная сторона занзибарской уловки — «московская уловка». О том, что происходит в Занзибаре, действительно, кроме исследователя и уроженца, мало кто знает. Но про Москву знают все. Кто-то в ней родился, кто-то здесь живет, кто-то ее исследует, кто-то о ней читает в своей ленте в Фейсбуке, а у кого-то в кабинете висит карта города, и этого вполне достаточно для производства публичного высказывания. Вы можете провести опрос 12 200 респондентов, репрезентативно отразить структуру старых и новых районов, собрать огромное число интервью, но москвич, который,

Вахштайн Виктор Семенович — кандидат социологических наук, заведующий кафедрой теоретической социологии и эпистемологии философско-социологического отделения ФГУ РАНХиГС, профессор Российско-Британского университета МВШСЭН («Шанинка»). Научные интересы: социология повседневности, фрейм-анализ, эпистемология социальных наук. E-mail: avigdor2@yahoo.com

подобно герою Венички Ерофеева, ни разу не был на Красной площади (потому что каждый раз обнаруживал себя в пивной у Курского вокзала), всегда сможет доказать, что знает о Москве больше вас. Любой представитель андеркласса, проведший жизнь под эстакадой Ленинградского шоссе, обладает неоспоримым правом заявить: «Кого они опрашивали? Себя и себе подобных?».

Традиционно это противостояние типов знания о городе трактовалось социологами в ключе *эпистемического релятивизма*. Мы можем встать на позицию Пауля Лазарсфельда, иконы сциентизма и ползучего эмпиризма, чтобы доказать приоритет научного, методологически фундированного знания над здравым смыслом. Мы можем, напротив, признать правоту Джеймса Скотта и Гарольда Гарфинкеля, заявив, что даже самый необразованный обитатель района Сокол знает о городе больше самого умудренного методологией исследователя. Но и в том, и в другом случае мы будем исходить из аксиоматического допущения: город — един, языки его описания — множественны; неконсистентность знания о городе — производная от языков описания, а не от структуры самого объекта.

Что изменится, если мы сделаем другой теоретический ход, займем иную аксиоматическую позицию и допустим, что неконсистентность языков описания (а, соответственно, и форм знания) — следствие *онтологической сложности* самого объекта? Что если причина нашей неспособности втиснуть город в прокрустово ложе одного конкретного языка (и одной привилегированной формы знания) — естественное продолжение и конститутивная особенность города как такового? Тогда мы вынуждены будем заместить удобный и ничего уже не схватывающий в реальности концепт мегаполиса крайне расплывчатым, но интригующим понятием *гетерополиса*.

С момента появления статьи Мишеля Фуко «Об иных пространствах» прошло уже почти полстолетия, но предложенная в ней идея гетеротопии по-прежнему будоражит умы социологов. Современный город куда лучше подходит на роль описанной Фуко гетеротопии, чем ботанический сад или персидский ковер. Потому что разросшиеся города XXI века точнее иллюстрируют центральную для Фуко интуицию близости иного, неконсистентности целого и соположения несопоставимого.

Эта интуиция гетерогенности объекта прослеживается и в структуре нового выпуска «Социологии власти». Мы попытались охватить самые разные аспекты современной городской жизни — от поведения людей в транспорте до городских протестов — и самые разные языки ее описания: от философии пространства Лейбница до теории архитектуры Слотердайка. К последней обращается

в своей статье Денис Сивков. Он показывает, каким образом телесная метафорика в осмыслении города приводит к укоренению идеи архитектурного иммунитета, гибридизации логик архитектуры и иммунологии. В более традиционном искусствоведческом ключе проблема отношения власти и архитектуры поставлена в работе Эльвиры Ибрагимовой. Анализируя этапы заказа, проектирования и строительства здания Народной скупщины в Белграде, автор прослеживает изменение кодов политического языка в Королевстве Сербия — Королевстве Югославия в 1890–1930 гг.

Так же как и искусствоведческий анализ, микросоциологическая оптика фокусируется на конкретных объектах городского пространства, однако концептуализируются они в ней принципиально иначе: как элементы практических повседневных порядков. В исследовании Антона Смолькина вагон метро оказывается ареной стратегических взаимодействий между пожилыми людьми и теми, кто использует различные тактики уклонения от уступания им места. Напротив, макросоциологический анализ стремится отразить город как единое целое, нечто представимое в обобщенных показателях. Юлия Чурсина на материалах исследования «Евробарометр в России» показывает устойчивую связь между качеством городской среды и миграционными настроениями населения: в какой момент люди решаются на переезд в другой город из-за того, что не имеют возможности с удовольствием и пользой потратить заработанные деньги.

По ту сторону различения микро- и макрооптик находятся два других исследования. Работа Елены Тыкановой и Анисьи Хохловой посвящена практикам самоорганизации локальных городских сообществ. Благодаря ряду любопытных теоретических и методических решений авторам удается проанализировать закономерности в институционализации стихийно зарождающихся протестных групп. В исследовании Константина Глазкова и Елены Зверевой город предстает как совокупность эмоционально окрашенных локаций — соответственно речь идет уже не о борьбе за территорию и не о праве на город, а об эмоциональной привязанности к месту.

Гетерогенность современного мегаполиса, его превращение в гетерополис — крайне неудобный феномен. С одной стороны, онтологическая сложность объекта дает слишком большую свободу высказывания исследователю. О городе может быть сказано все, что угодно — объект не даст сдачи. С другой стороны, поскольку ни одно описание не может претендовать на полноту, любое исследование становится просто еще-одним-из — конкуренции языков описания не возникает. Разреженное пространство городских исследований

в этом отношении разительно контрастирует с пространством напряженной борьбы городских идеологий.

Все, что остается в такой ситуации социологам, — в духе героического пессимизма продолжать совершенствовать свои аналитические и методические инструменты, без всякой надежды на создание общего языка и общей аксиоматики.